

Катаясь на «Пуле»

Автор:

Стивен Кинг

Катаясь на «Пуле»

Стивен Кинг

«Я никому и никогда не рассказывал эту историю, думал, что и не расскажу... не боялся, что мне не поверят, но стыдился ее, потому что был непосредственным участником. Всегда чувствовал, если расскажу, принижу и себя, и саму историю, она станет мельче и приземленнее, сравняется с байками о призраках, рассказываемыми у костра воспитателями в летних лагерях. Думаю, я еще боюсь, что сам себе не поверю, если расскажу ее, услышу собственными ушами. Но с тех пор, как умерла мать, у меня начались проблемы со сном...»

Стивен Кинг

Катаясь на «Пуле»

Думаю, об этой повести я практически все сказал в «Предисловии». По существу, это мой пересказ истории, которую можно услышать чуть ли не в каждом маленьком городке. И как мой более ранний рассказ («Женщина в палате» из сборника «Ночная смена») – попытка поговорить, как подействовала на меня приближающаяся смерть матери. В жизни каждого из нас наступает момент, когда мы должны воспринимать смерть наших близких как реальность бытия... и как свидетельство приближения нашей собственной смерти. Возможно, это единственная главная тема «ужастиков»: наша насущная потребность соприкоснуться с тайной, понять которую можно лишь с помощью фантазий, вселяющих надежду.

Я никому и никогда не рассказывал эту историю, думал, что и не расскажу... не боялся, что мне не поверят, но стыдился ее, потому что был непосредственным участником. Всегда чувствовал, если расскажу, принижу и себя, и саму историю, она станет мельче и приземленнее, сравняется с байками о призраках, рассказываемыми у костра воспитателями в летних лагерях. Думаю, я еще боюсь, что сам себе не поверю, если расскажу ее, услышу собственными ушами. Но с тех пор, как умерла мать, у меня начались проблемы со сном. Вроде бы засыпаю, а потом раз – и меня трясет, а сна ни в одном глазу. Оставленная зажженной лампа на прикроватном столике помогает, но не так, как хотелось бы. В ночи бродит множество теней, вы когда-нибудь это замечали? Даже при свете теней очень много. И длинные могут отбрасывать все что угодно, будьте уверены.

Все что угодно.

Я учился на предпоследнем курсе колледжа университета штата Мэн, когда миссис Маккарди позвонила насчет мамы. Отца я не помнил, был слишком мал, когда он умер, братьев и сестер у меня не было, так что Алан и Джин Паркер на пару противостояли всему миру. Миссис Маккарди, жившая в соседнем доме, позвонила в квартиру, которую я снимал с тремя другими студентами. Номер она взяла с магнитной доски-памятки, прилепленной к дверце нашего холодильника.

– У нее инсульт, – сообщила она. – Случилось это в ресторане. Но ты можешь не лететь сюда со всех ног. Доктор говорит, все не так уж плохо. Она в сознании и разговаривает.

– Да, но соображает ли, что говорит? – спросил я. Старался говорить спокойно, ровно, даже с нотками юмора, но сердце забилося часто-часто, а температура воздуха в гостиной вдруг резко подскочила. В квартире я был один: среда, мои соседи еще не вернулись с занятий.

– О да. Первым делом она попросила меня позвонить тебе, но не пугать. Здравая мысль, как по-твоему?

– Да. – Но, разумеется, я испугался. А как еще можно реагировать, если тебе вдруг звонят и сообщают, что твою мать отвезли в больницу?

– Она просит тебя никуда не рваться, учиться, как обычно, до уик-энда. А потом ты можешь и приехать, если, конечно, сможешь оторваться от учебы.

«Само собой, – подумал я. – Буду сидеть в этой пропахшей пивом квартире, когда мать лежит на больничной койке в сотне миль отсюда, может, умирает».

– Она все еще молодая женщина, твоя мать, – продолжила миссис Маккарди. – Просто в последние годы очень уж много на себя взвалила. Вот перенапряжение и сказалось. Плюс эти сигареты. Ей давно следовало бросить курить.

Я сомневался, что она бросит, с инсультом или без, потому что знал: курить матери нравилось. Поблагодарил миссис Маккарди за звонок.

– Как только вошла в дом, сразу набрала твой номер. Так когда ты приедешь, Алан? В субботу? – По озорной нотке в голосе чувствовалось, что ответ ей известен заранее.

Я выглянул в окно. Новая Англия. Прекрасный октябрьский день. Ярко-синее небо над деревьями, неспешно сбрасывающими желтые листья на Главную улицу. Потом посмотрел на часы. Двадцать минут четвертого. Когда зазвонил телефон, я как раз собирался на семинар по философии, начинавшийся в четыре пополудни.

– Шутите? Я приеду сегодня же.

В трубке раздался сухой смешок заядлого курильщика. Миссис Маккарди могла говорить о вреде сигарет, но сама-то не расставалась с пачкой «Уинстона».

– Молодец! Поедешь прямо в больницу, да. А уж потом домой?

– Конечно, – ответил я. Не стал говорить миссис Маккарди, что коробка передач моего старого автомобиля вышла из строя, так что в обозримом будущем он не мог покинуть автостоянку. Я собирался на попутках добраться до Льюистона, а оттуда – до нашего маленького дома в Харлоу. В крайнем случае мог переночевать в одной из комнат отдыха в больнице. Собственно, мне и раньше приходилось добираться из университета до дома, голосуя на дороге. Или спать сидя, привалившись головой к автомату по продаже коки.

– Ключ я оставляю под красной кадкой для цветов. Ты знаешь, о чем я?

– Да. – Кадка стояла у двери сарая за домом. Летом мать всегда высаживала в ней цветы. Почему-то именно упоминание кадки окончательно донесло до меня смысл услышанного от миссис Маккарди: мама в больнице, маленький дом в Харлоу, где я вырос, этим вечером встретит меня темными окнами. Некому будет включить свет после захода солнца. Миссис Маккарди могла говорить, что моя мать молода, но когда тебе двадцать один, сорок восемь кажутся глубокой старостью.

– Будь осторожен, Алан. Не превышай скорости.

Моя скорость, разумеется, могла равняться лишь скорости той попутки, которая подвезла бы меня, и я надеялся, что водитель будет гнать, как бешеный. Но в любом случае мне не добраться до Медицинского центра Мэна так быстро, как хотелось бы. Но волновать миссис Маккарди я не собирался.

– Не буду. Спасибо за звонок.

– Всегда рада помочь. Твоя мать скоро поправится. И, конечно, будет рада тебя видеть.

Я положил трубку, быстренько нацарапал записку о том, что случилось, и о своих дальнейших планах. В ней же попросил Гектора Пассмора, самого ответственного из соседей по квартире, позвонить куратору, чтобы тот известил преподавателей о причине моего отсутствия на их занятиях. Некоторые этого страшно не любили и знали, как отыгаться на прогульщиках. Бросил в рюкзак смену белья, учебник «Введение в философию» и направился к шоссе. На следующей неделе я ушел с этого курса, хотя до того успешно осваивал премудрости философии. Но та ночь изменила мое видение мира, изменила очень сильно, а знания, которые мог дать мне учебник философии, в эти изменения не укладывались. Я понял, что параллельно с нашим существуют другие, неведомые нам миры, и ни один учебник не может объяснить, какие они и откуда взялись. Думаю, что лучше всего забыть, что они есть. Если, конечно, удастся.

Университет Мэна в Ороно и Льюистоне в округе Андроскоггин разделяют сто двадцать миль, и быстрее всего туда можно доехать по А-95. Но платная автострада – не лучшее место для ловли попутков.

Дорожная полиция гоняет голосующих. Гоняет даже тех, кто стоит на въездах на автостраду. А если тебя дважды задержит один и тот же коп, штрафа не миновать. Поэтому я предпочел шоссе 68, тянущееся на юго-запад от Бангора. По этой дороге машин ездит много, и если ты не выглядишь законченным психом, рано или поздно тебя подвезут. И копы на голосующих внимания не обращают.

Какой-то молчаливый страховой агент довез меня до Ньюпорта. На перекрестке шоссе 68 и 2 я простоял минут двадцать, пока не попал в автомобиль к пожилому джентльмену, ехавшему в Баудоухэм. По пути он все время хватал себя за промежность. Будто что-то там ловил.

– Моя жена постоянно говорила мне, что я окажусь в кювете с ножом в спине, если буду и дальше брать попутчиков, – сообщил он мне, – но когда я вижу молодого человека на обочине, сразу вспоминаю свою молодость. Сам часто голосовал, объездил полстраны на попутках. И смотри, она уже четыре года, как мертва, а я живой, езжу на том же старом «додже». Но мне ее ужасно не хватает, – и он вновь цапанул промежность. – Куда направляешься, сынок?

Я рассказал ему, что в Льюистон и почему.

– Это ужасно! – Он покачал головой. – Твоя мать! Мне очень жаль!

От его сочувствия, такого искреннего, столь неожиданного, на глаза навернулись слезы. Но я их сдержал. Не хватало только расплакаться в старой развалюхе этого старика, трясущейся, дребезжащей, провонявшей мочой.

– Миссис Маккарди, женщина, которая мне позвонила, сказала, что все не так уж плохо. Мама у меня еще молодая, ей только сорок восемь.

– И все же! Инсульт! – На его лице отражалась печаль. Он вновь цапанул промежность мешковатых зеленых брюк большой, похожей на клешню стариковской рукой. – Инсульт – это серьезно! Сынок, я бы сам отвез тебя в МЦМ, доставил бы прямо до двери, если не обещал своему брату Ральфу, что мы

поедем в дом престарелых в Гейтсе. Там у него жена, у нее совсем плохо с памятью, я никак не могу запомнить, как называется эта болезнь, то ли Андерсона, то ли Альвареса, что-то в этом роде...

- Альцгеймера, - ввернул я.

- Ага, наверное, она начинается и у меня. Черт, и все равно мне хочется подвезти тебя.

- В этом нет нужды, - заверил его я. - В Гейтсе я легко поймаю попутку.

- И все-таки... Твоя мать! Инсульт! В сорок восемь! - Рука опять метнулась к промежности. - Гребаный грыжевой бандаж! - воскликнул он, потом рассмеялся, весело и в то же время отчаянно. - Гребаное расхождение мышц! Если живешь долго, сынок, начинаешь разваливаться на ходу. Бог дает тебе пинка, гонит к себе, уж поверь старику. Но ты хороший мальчик - раз бросил все и сразу поехал к ней.

- Она - хорошая мать, - ответил я, и вновь у меня защипало в уголках глаз. В колледже я не испытывал тоски по дому, разве что первую неделю, не дольше, но теперь тоска эта захлестнула меня. Вся наша семья состояла из нее и меня, никаких близких родственников. Я не мог представить себе жизни без нее. Все не так плохо, сказала миссис Маккарди. Инсульт, но все не так плохо. «Только бы эта чертова старуха сказала правду, - думал я. - Только бы правду».

Какое-то время мы ехали молча. Гонки, о которой я мечтал, не получалось. Стрелка спидометра застыла на полоске, делящей пополам часть дуги между числами 40 и 50, лишь иногда левые колеса забредали за белую разделительную линию, чтобы пощупать асфальт на второй полосе. Ехать предстояло долго, но я в общем-то ничего не имел против. Шоссе 68 тянулось по лесам, откуда изредка выскакивал маленький городок, обязательно с баром и заправочной станцией: Нью-Шейрон, Офелия, Вест-Офелия, Ганистан (который когда-то назывался Афганистаном, странно, но правда), Меканик-Фоллз, Кастл-Вью, Кастл-Рок. Яркая синева неба бледнела по мере того, как день катился к вечеру. Старик зажег сначала подфарники, потом фары. Он не замечал, что они переключены на дальний свет, даже когда водители, едущие в противоположном направлении, сигналили ему своим дальним светом.

– Жена моего брата даже не помнит своего имени, – нарушил он долгую паузу. – Не знает, что такое «да», «нет», «может быть». Вот что делает с тобой болезнь Андерсона, сынок. И ее взгляд... она словно говорит: «Дайте мне уйти»... или сказала бы, если б могла вспомнить эти слова. Понимаешь, о чем я?

– Да. – Я глубоко вдохнул и задался вопросом, старикинская это моча или собаки, которая иной раз могла ездить с ним. Я не знал, обидится ли он, если я приоткрою окно. Наконец приоткрыл. Он не заметил, как не замечал мигающие фары встречных автомобилей.

Около семи вечера мы поднялись на холм в Вест-Гейтсе, и мой шофер воскликнул: «Посмотри, сынок! Луна! Ну не красавица ли?»

Действительно, луна впечатляла: огромный оранжевый шар, поднимающийся над горизонтом. Но я тем не менее увидел в ней что-то ужасное. Она выглядела беременной и тяжелобольной. Стоило мне посмотреть на восходящую луну, как в голове сверкнула жуткая мысль: вдруг я приеду в больницу, а мама не узнает меня? Что, если она лишилась памяти, не знает, что такое да, нет, может быть? И доктор скажет мне, что кто-то должен постоянно, ежеминутно ухаживать за ней до конца ее жизни? А кем-то мог быть, естественно, только я. И прощай, колледж. Что скажете, друзья и соседи?

– Загадай желание, сынок! – воскликнул старик. От волнения голос у него стал резким и неприятным, словно осколки стекла скрипели прямо в ухе. Он вновь ухватился за промежность. Что-то там порвалось. Я не понимал, как можно с такой яростью дергать себя в столь деликатном месте и не оторвать собственные яйца, с грыжевым бандажом или без ононого. – Загадывай желание, когда всходит первая после жатвы полная луна, говаривал мой отец!

Вот я и загадал, чтобы моя мама узнала меня, когда я войду в ее палату, чтобы ее глаза вспыхнули, чтобы она сразу произнесла мое имя. Я загадал желание и тут же пожалел об этом. Подумал, что от желания, загаданного под таким яростным оранжевым светом, добра не будет.

– Ах, сынок! – вздохнул старик. – Как бы мне хотелось, чтобы моя жена сидела рядом со мной. Я постоянно прошу прощения за каждое злое и грубое слово, которые она от меня слышала.

Двадцать минут спустя, на самом исходе дня, когда луна еще не успела оторваться от горизонта, мы прибыли в Гейтс-Фоллз. Над пересечением шоссе 68 и Плизант-стрит мигал желтый светофор. Перед самым перекрестком старик свернул к тротуару. Заехал правым передним колесом «доджа» на бордюр, потом скатился с него. У меня аж лязгнули зубы. Старик бросил на меня дикий, безумный взгляд, все в нем отдавало безумием, просто удивительно, что я не заметил этого сразу. Он же не разговаривал – восклицал. И каждая фраза отдавалась в ушах скрежетом битого стекла.

– Я отвезу тебя туда! Обязательно отвезу! О Ральфе забудь! Черт с ним! Только скажи, и я отвезу!

Я хотел побыстрее попасть в больницу к маме, но мысль, что придется еще двадцать миль нюхать мочу и щуриться от мигания фар встречных автомобилей, не радовала. Да еще я представил себе, как старый «додж» будет вилять по четырем полосам движения на Лисбон-стрит. Но решающую роль сыграл сам старик. Не хотел я смотреть, как он то и дело цапает свою промежность, не хотел слушать голос, похожий на скрежет битого стекла.

– Да нет же, спасибо, я обойдусь, – ответил я. – А вы поезжайте к брату. – Я открыл дверцу, и тут случилось то, чего я боялся: он протянул руку, и его корявые старческие пальцы сжались на моем предплечье. Этими самыми пальцами он хватал себя за промежность.

– Ты только скажи! – В хриплом голосе слышались доверительные нотки. Пальцы сильно сжимали руку. – Я довезу тебя до самой больницы! Да! И не важно, что я никогда раньше не видел тебя, а ты – меня! Совершенно не важно! Я довезу тебя... до самой больницы!

– Все нормально, сам доберусь. – Я с трудом подавил желание выскочить из кабины, оставив в пальцах старика клоч рубашки, если бы по-другому освободиться не удалось. Меня словно затягивало на дно. Я думал – стоит мне двинуться, пальцы сожмутся еще сильнее, он даже ухватит меня за горло, но этого не произошло. Пальцы разжались, а потом, когда я поставил ногу на тротуар, и вовсе соскользнули с предплечья. И я спросил себя, так обычно бывает, когда иррациональная паника отпускает: а чего я, собственно, так уж испугался? Обычный старик в обычном, пусть и пахнущем мочой старом «додже», разочарованный, что на его великодушное предложение ответили отказом. Обычный старик, которому мешал жить неудобный грыжевой бандаж.

Чего, скажите на милость, я испугался?

– Спасибо, что подвезли меня, и я вам очень признателен за ваше предложение. – Я улыбнулся. – Но я могу пойти туда, – я указал на Плизант-стрит, – и быстро поймаю другую машину.

Он несколько секунд помолчал, потом кивнул, вздохнул.

– Да, это самая короткая дорога. Лови машину, как только выйдешь из города, в городе тебя никто подсаживать не будет, никому не хочется тормозить, чтобы услышать, как сзади недовольно гудят.

В этом он не ошибался. Попытаться остановить машину в городе, даже в таком маленьком, как Гейтс-Фоллз, не имело смысла. Должно быть, в свое время он действительно часто ездил автостопом.

– Но, сынок, это твое последнее слово? Знаешь поговорку о синице в руке?

Я замялся. Насчет синицы в руке он говорил не зря. Где-то в миле к западу от мигающего светофора Плизант-стрит была Ридж-роуд, которая, попетляв по лесам пятнадцать миль, вливалась в шоссе 196 на окраине Льюистона. Уже стемнело, а ночью ловить попутку всегда труднее: когда свет фар выхватывает тебя из темноты на сельской дороге, ты выглядишь беглецом из Уиндэмской колонии для малолетних преступников, пусть даже волосы у тебя аккуратно причесаны, а рубашка заправлена в брюки. Но я больше не хотел ехать со стариком. Даже теперь, благополучно выбравшись из его «доджа» на тротуар, от него у меня по коже бегали мурашки. Может, причина заключалась в его голосе, привычке заканчивать каждую фразу восклицанием. А кроме того, мне всегда везло с попутками.

– Да. Еще раз позвольте поблагодарить вас. Правда, я вам очень признателен.

– Всегда готов помочь, сынок. Всегда готов. Моя жена... – Он замолчал, и я увидел, как из уголков глаз потекли слезы. Вновь поблагодарил его и захлопнул дверцу, прежде чем он успел сказать что-то еще.

Я торопливо пересек улицу, моя тень появлялась и исчезала в мигающем свете. На другой стороне остановился, оглянулся. «Додж» стоял на прежнем месте, около магазина «Прохладительные напитки и фрукты». Мигающий светофор и фонарь, стоящий в двадцати футах, позволяли видеть старика, нависшего над рулем. Мелькнула мысль, что он умер, я убил его, отказавшись принять предложенную помощь.

Потом из-за угла появился автомобиль, и водитель переключил ближний свет на дальний, а потом снова на ближний. На этот раз старик понял, чего от него хотят, дальний свет «доджа» сменился ближним, и мне стало ясно, что он жив. А мгновением позже «додж» тронулся с места и вскоре скрылся за углом. Я проводил его взглядом, потом посмотрел на луну. Она уже начала терять оранжевую пухлость, но в ней оставалось что-то зловещее. Я вдруг подумал, что никогда не слышал, будто можно загадывать желания, глядя на луну. На падающую звезду – да, но не на луну. И мне очень уж захотелось забрать желание назад. Темнота сгущалась, я стоял на перекрестке, а из головы не выходила та самая история об обезьяньей лапке.

Я шагал по Плизант-стрит, поднимал руку с оттопыренным большим пальцем, но автомобили проскакивали мимо, не снижая скорости. Поначалу с обеих сторон дорогу поджимали дома и магазины, потом тротуар закончился и надвинулись деревья, молчаливо требуя возвращения отнятой у них территории. Всякий раз, когда дорогу заливал свет, бросая вперед мою тень, я оборачивался, вытягивал руку и растягивал губы в лучезарной улыбке. И всякий раз автомобиль, шурша шинами по асфальту, проезжал мимо, не притормаживая. Однажды кто-то прокричал: «Найди работу, бездельник», – и следом донесся смех.

Я не боялся темноты, тогда не боялся, но у меня возникли опасения: а не допустил ли я ошибку, отказавшись от предложения старика довезти меня до больницы? Я мог бы соорудить плакатик «ПОДВЕЗИТЕ, БОЛЬНА МАТЬ», прежде чем выйти из дома, но сомневался, что он мог мне помочь. В конце концов любой псих мог запастись таким плакатиком.

Я шагал и шагал по мягкой обочине, поднимая кроссовками фонтанчики пыли, вслушиваясь в ночь: лай собаки, очень далеко, уханье филина, гораздо ближе, шелест ветра в кронах деревьев. Небо заливал свет луны, но ее саму я не видел: высокие деревья скрывали ее от моих глаз.

После того как Гейтс-Фоллз остался позади, машины обгоняли меня все реже. С каждой минутой я все яснее сознавал, что было глупо отказаться от помощи старика. Я начал представлять себе маму, лежащую на больничной койке с застывшим лицом, держащуюся за ускользающую жизнь лишь желанием в последний раз повидаться со мной, не знающую, что я не успеваю застать ее в живых не по самой веской причине. Лишь потому, что мне не понравился пронзительный голос старика и запах мочи в кабине его «доджа».

Я поднялся на крутой холм и на вершине снова увидел луну. По правую руку деревья уступили место небольшому кладбищу. В бледном свете блестели надгробные камни. Что-то маленькое и темное притаилось за одним из них, наблюдая за мной. Из любопытства я подошел ближе. Темное шевельнулось, на поверку оказавшись сурком. Его красные глазки с упреком посмотрели на меня, и сурок исчез в высокой траве. Внезапно я понял, что очень устал, едва стою на ногах. После звонка миссис Маккарди, пятью часами раньше, я держался на чистом адреналине, а теперь он иссяк. Но, кроме минусов, в этом были и плюсы: хоть и на время, но исчезло ощущение жуткого цейтнота. Я принял решение, остановил свой выбор на Ридж-роуд, а не на шоссе 68, и не имело смысла корить себя за это. Сделанного не вернешь, после драки кулаками не машут, как иногда говорила моя мать. Поговорки частенько слетали с ее языка и обычно приходились к месту. Во всяком случае, эта меня как-то сразу успокоила. Если она умрет до того, как я попаду в больницу, значит, такова воля Божья. Но скорее всего она не умрет. По словам миссис Маккарди, доктор говорит, что все не так плохо. И миссис Маккарди сказала, что моя мама – еще молодая женщина. Полноватая, конечно, и заядлая курильщица, но еще молодая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://telnovel.com/ru/stiven-king/katayas-na-pule>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)